

Александр Орлов

«МЫ — ПОДСНЕЖНИКИ. МЫ ИЗ-ПОД СНЕГА...»

(Нравственные высоты
поэзии Владимира Кострова)

Александр Владимирович Орлов родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, Московский институт открытого образования. Работает учителем. Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Литературная учеба», «Сибирские огни», «Юность» и других изданиях, антологиях, альманахах. Автор четырех книг стихотворений и сборника прозы. Обладатель золотого диплома и лауреат международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и ряда других литературных наград. Живет в Москве.

Когда я читаю стихи Владимира Кострова, то сразу вспоминаю слова русского философа Ивана Александровича Ильина: «О русском народе надо сказать словами Тютчева: “Невыносимое он днесь выносит”. И справляется он с этим потому, что идет по своим исконным путям, прошедшим его через все его климатические суровости, через все его хозяйственные трудности и лишения и через все его военные и исторические испытания. Эти средства, эти пути суть: молитва, терпение, юмор и пение...»

Русский характер, определенный Ильиным как сочетание молитвы, терпения, юмора и пения, по моему мнению, особенно колоритно был явлен в жизни и творчестве поэта, переводчика, драматурга Владимира Кострова.

Свою поэзию Костров, обладающий искрометным юмором и терпением художника, многие годы превращал именно в молитву, словно произнося ее нараспев, и в этом душевительном обращении поэта была запечатлена вся его жизнь. Его стихотворение 1993 года уходит истоками в детство поэта, рожденного в год возобновления массовых арестов епископата, духовенства и наиболее активных мирян, оно сразу передает обстановку довоенного времени в разных плоскостных измерениях:

Был храм забит — меня крестили в бане,
От бдительного ока хороня.
Теленок пегий теплыми губами
В предбаннике поцеловал меня...

То есть Костров свидетельствует в этих строках, что никакая борьба с православием, а возглавлял антирелигиозную компанию в этот период нарком внутренних дел Ежов, в СССР не могла повлиять на многовековое таинство крещения, которое стало частью бытия русского человека, и здесь как не обратиться к словам великого Федора Михайловича Достоевского: «Русский и православный — слова-синонимы... русский без православия — дрянь, а не человек». Момент святого крещения запечатлен Костровым не случайно, ведь древний обряд является духовным рождением, на которое указывал Иисус Христос; таким образом, Костров в этом стихотворении подтверждает личное духовное рождение и время, которое этому моменту соответствовало. Как мы знаем, само по себе крещение соединяет человека с Богом и придает ему силы противостоять дьяволу, этот великий обряд не избавляет от духовных и телесных болезней, но направляет человека в поисках обретения христианского образа жизни. Крещение помогает человеку высвободиться от грехов, которые и являются главной причиной всех заболеваний, то есть крещение и есть первичное исцеление духа и тела. Этот путь исцеления Костров зафиксировал в стихах, не скрывая, что юность поэта была атеистична, а значит, болезненна с точки зрения духовной жизни, и об этом говорится в стихотворении:

В дни юности, как мне казалось, сдуру,
В безбожной комсомольскости своей
Нашел я деревянную скульптуру
В какой-то из разрушенных церквей.
Она покраской старую белела,
От сырости немного оцвела
И на оплечьях, видимо, имела
Когда-то два оторванных крыла.
И вот теперь пред жизненным пределом,
Перебирая прошлое свое,
Считаю небольшим, но Божьим делом,
Что я отмыл и высушил ее.
В немецких кирхах и в соборах Англий
Я замирал, сознанием томим,
Что дома ждет меня домашний ангел,
А может быть, крылатый серафим.

Как-то раз Владимир Андреевич рассказал мне, что советский поэт, прозаик, собиратель фольклора и древнерусской старины Виктор Федорович Боков очень просил его продать фигуру неизвестного святого, спасенную Костровым из разрушенной церкви в юности, на что Костров ответил:

— Святынями не торгую...

Этот дружеский и твердый ответ характерен для Кострова, который всегда был честен с окружающими и самим собой, и в этом словосочетании раскрывается и ярчайшая черта русского народа. Но Костров в своей открытости даже не явно для самого себя подает пример раскаяния за время безверия, примером служит стихотворение «Икона», написанное в 1957 году:

На чердаке, где пыль и паутина,
От света отвернув лицо,
Висит над грудой порванных ботинок,
Икона с позолоченным венцом.

Владимир Костров

Порой луна пролезет в стены крыши
И освещает на какой-то миг
Небритый и от серой пыли рыжий,
Но все еще надменный Божий лик...
Там с тишиной грызутся насмерть мыши,
И он, замаскированный как дот,
На чердаке как будто и не дышит,
Но ждет. Он все еще чего-то ждет...

Божий Лик ждал возвращения поэта Владимира Кострова к вере предков, которая была хранима ими веками, и стоит отметить, что это стихотворение было написано во время мнимой либерализации и конъюнктурного развенчания сталинизма, что на первый взгляд открывало новые возможности духовной жизни. И это чудо духовного перерождения случилось, но гораздо позже.

Каждый из нас свободен в своих решениях, и эта свобода распространяется и на изменение принятых ранее по собственному усмотрению или под влиянием и давлением обстоятельств решений. Но главное, что Бог смиренно ждет нашего окончательного решения. Пришла пора испытаний, и поэт Владимир Костров сделал свой бесповоротный выбор. В этом он был подобен людям, которые окружали Христа в дни Его земной жизни, накануне и во время Его страданий. Именно так почувствовал великие потрясения начала последнего десятилетия двадцатого века поэт Владимир Костров и обратился в 1993 году к Божьей Матери:

Защити, Приснодева Мария!
Укажи мне дорогу, звезда!
Я распятое имя «Россия»
Не любил еще так никогда.
На равнине пригорки горбами,
Перелески, ручьи, соловьи.
Хочешь, я отогрею губами
Изъязвленные ноги твои?
На дорогах сплошные заторы,
Скарабей, воробей, муравей.
Словно Шейлок, пришли кредиторы
За трепещущей плотью твоей.
Оставляют последние силы,
Ничего не видать впереди,
Но распятое имя «Россия»,
Как набат, отдается в груди.

Когда читаешь эти строки, полные одновременно глубочайшего отчаяния и неумолимой надежды на спасение, обращенные к Приснодеве Марии, то ощущается созвучие с наставлениями святого праведного Алексея (Мечева): «Други! Взгляните на образ Владычицы, взгляните с горячей, пламенной мольбой! Она постоянно молится Небесному Царю Славы, ради нас воплотившемуся и пострадавшему. Правда, велики грехи и нужды наши, но молитвы Богоматери сильнее всех нужд и озлоблений».

Это стихотворная мольба-слово, вскрик от жесточайшей безысходности во тьме. Сердце Кострова разрывает от ужаса, происходящего вокруг, словно врата ада раскрываются, и их видит поэт, ощущающий трагедию русских людей, которые оказались после совещания глав трех государств в Беловежской Пуще в разных странах, перед ним предстают жертвы войн в Абхазии, Карабахе, Таджикистане, грузино-южноосетинском и осетинско-ингушском вооруженных конфликтах, он ощущает конституционный кризис в России и ужасается его итогу — расстрелу Белого Дома в Москве...

С этого стихотворения Костров и его поэзия становятся неотделимыми от православной веры навсегда.

В 1998 году, году невыполнения Россией долговых обязательств, неоднократных террористических актов, накануне второй чеченской компании, когда в очередной раз страна и народ стояли у края пропасти, Костров пишет знаменитое стихотворение:

Укрепись, православная вера,
И душевную смуту рассей.
Ведь должна быть какая-то мера
Человеческих дел и страстей.
Ведь должна же подняться преграда
В исстрадавшейся милой стране
И, копьём поражающий гада,
Появиться Стратиг на коне.
Что творится: так зло и нелепо —
Безнаказанность, холод и глад.
Неужели высокое небо
Поскупится на огненный град?
И огромное это пространство,
Тешась ложью, не зная стыда,
Будет биться в тисках окаянства
До последнего в мире суда?
Нет. Я жду очищающей весты.
И стремлюсь, и молюсь одному.
И палящее пламя Возмездья
Как небесную ману приму.

Когда физические и духовные силы на исходе и кажется, что уже нет никакой надежды на светлое будущее, мы всегда ищем кого-то, кто бы мог понять нас и помочь нам. Помощь в такие мгновения может приходиться земная и небесная, и Костров обращается с призывом к русским людям терпеть и не сдаваться и сам ищет содействия у трагически ушедшего в мир иной поэта Николая Рубцова:

Терпенье, люди русские, терпенье:
Рассеется духовный полумрак,
Врачуются сердечные раненья...
Но это не рубцуются никак.
Никак не зарастает свежей плотью...
Летаю я на запад и восток,
А надо бы почаще ездить в Тотью,
Чтоб положить к ногам его цветок.

Он жил вне быта, только русским словом.
Скитания, бездомье, нищета.
Он сладко пел. Но холодом медовым
Суровый век замкнул его уста.
Сумейте, люди добрые, сумейте
Запомнить реку, памятник над ней.
В кашне, в пальто, на каменной скамейке
Зовет поэт звезду родных полей.
И потому, как видно, навсегда,
Но в памяти, чего ты с ней ни делай,
Она восходит, Колина звезда, —
Звезда полей во мгле заледенелой.

Складывается впечатление, что Костров сам не осознает, какой силой обладают его стихи, способные объединить двух народных поэтов, укрепляющих всех страждущих и обремененных. Так в двадцати строчках мы слышим великий поэтический дуэт, в котором национальное своеобразие является основополагающей силой. И этот дуэт, эта двоица говорит о единении жизни земной и небесной, и как тут не вспомнить Евангельские строки от святого апостола Матфея: «...где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них...»

В этом стихотворении, написанном в 2008 году, — параллель творчества Кострова и Рубцова, поэтов, принадлежащих к поколению детей Великой Отечественной войны.

Поэзия Владимира Кострова и Николая Рубцова обладает национальным образом мышления, унаследовала в себе многолетний опыт предшественников, но Костров и Рубцов нашли каждый свою интерпретацию фольклорного бытия, сумели обрести личный индивидуальный стиль, совместить традицию и современность, органически воссоединить смысл и форму. Как известно, Рубцов был увлечен одним из наиболее глубинных деятелей русской культуры Федором Ивановичем Тютчевым, перекички с которым встречаются неоднократно, а Костров переводил тютчевские стихи, написанные на французском языке.

Общеизвестен факт, что Тютчев подарил своей двадцатилетней дочери в Рождество две книги французского философа Блеза Паскаля «Мысли» и «Письма к провинциалу», и в этом контексте сразу же вспоминается цитата: «Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит... все наше достоинство состоит в мысли. В этом отношении мы должны возвышать себя, а не в отношении к пространству и времени, которое мы не сумели бы наполнить. Постараемся же научиться хорошо мыслить: вот принцип нравственности».

Этот принцип нравственности по своей сути присущ Кострову, и в его стихотворениях прослеживаются влияние не только поэта, но и религиозного философа Тютчева, в творчестве которого неоднократно встречаются паскалевские аллюзии.

По моему мнению, Костров всем сердцем усвоил тютчевские размышления, которые дошли до нас, как, например, это: «Нет, хрупкость человеческой жизни — единственная вещь на земле, которой никакие фразы и напыщенные рассуждения не в состоянии преувеличить».

Такое постижение Костровым уроков русского гения проводит разделительную черту между Костровым и Рубцовым, и очевидной причиной этого является не усвоение трагически убиенным поэтом созерцательных слов Тютчева.

Когда я вспоминаю о мюнхенском знакомстве Тютчева с философом-романтиком Фридрихом Шеллингом и поэтом Генрихом Гейне, то слова, сказанные впоследствии Шеллингом о Тютчеве, вызывают у меня ассоциацию с Костровым, а Шеллинг писал: «Это превосходный человек и очень образованный, с ним приятно беседовать».

Стоит отметить, что значительным событием в жизни Кострова станет знакомство и последующая многолетняя дружба с композитором, философом-неоромантиком Георгием Васильевичем Свиридовым, и эта дружба в какой-то мере сопоставима с заочным приятельством между Тютчевым и Паскалем. Великий Свиридов сам узнал телефон Кострова, позвонил и предложил встретиться после прочтения костровского стихотворения «Земли едва касаяся...», написанного в 1978 году, в котором были такие финальные строки:

...про дальнюю околицу,
про воду из ковша,
про то, чем беспокоится,
смущается душа,
про гибель и спасение,
про молодость мою
в Саврасовском, Есенинском,
Свиридовском краю.

В ночь на Рождество Христово 1998 года, в первую ночь после смерти Свиридова, потрясенный этим событием Костров напишет стихотворение «Памяти Георгия Васильевича Свиридова», которое начинается словами:

Незримы и невыразимы,
Лишенные телесных пут,
Рождественские серафимы
Теперь Свиридову поют.

И заканчиваются так же гениально, как и закончился земной путь Свиридова:

Молись и верь, земля родная.
Проглянет солнце из-за туч...
А может быть, и двери рая
Скрипичный отворяет ключ.

Свиридов был чрезвычайно близок Кострову, и эта близость была родственной близости Тютчеву, можно только вспомнить ранее приведенные строки Тютчева и сравнить их со свиридовскими: «Водораздел, размежевание художественных течений происходит в наши дни совсем не по линии “манеры” или так называемых “средств выражения”. Надо быть очень наивным человеком, чтобы так думать. Размежевание идет по самой главной, основной линии человеческого бытия — по линии духовно-нравственной. Здесь — начало всего — смысла жизни!»

И Тютчев, и Свиридов озабочены сохранением человека, созданного по образу Бога. Они стараются уберечь от смертельного грехопадения русский народ, и в этой спасительной борьбе к ним присоединяется Костров.

Именно Владимир Андреевич Костров своим творческим долголетием создаст заключительное слово о поколении Глеба Горбовского, Юрия Кузнецова, Станислава Куняева, Алексея Прасолова, Николая Рубцова своим стихотворением, посвященным Ларисе Васильевой:

Мы — последние этого века,
Мы великой надеждой больны.
Мы — подснежники.
Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.
Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли,
Как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.

И в конце прохрипим не проклятья —
О любви разговор поведем.
Мы последние века.
Мы братья
По ладони, пробитой гвоздем.
Время быстро идет по маршруту,
Бьют часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минуту,
А прощаемся вот навсегда.
Так обнимемся.
Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы — подснежники.
Мы из-под елок,
Мы — последняя нежность войны.

Но XX век не уйдет со стихотворением Кострова, он останется в памяти навсегда. Человечество будет раз за разом возвращаться в события двадцатого века, проживать и переосмысливать их, проецировать на происходящее и никогда не перестанет ужасаться. Великий русский историк Василий Осипович Ключевский пророчески завещал всем последующим жителям нашей планеты: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков».

В мой сорок пятый день рождения Владимир Андреевич пригласил в путешествие своим посвящением, которое я услышу через телефонную трубку:

Когда луна в своей четвертой фазе
Монгольской девой припадет к окну,
Я от мостков на рыболовной базе
Двухвесельную лодку оттолкну.
И золото воды, стекая с весел,
Там за кормой оставит буруны,
И божий мир, не знающий ремесел,
Откроет все четыре стороны.
Я поплыву по световой дорожке
Вослед за незаметным ветерком,
Туда, где лилий детские ладошки
Сомкнутся к ночи над своим цветком.
И в медленном теченье речки сельской
Затрут за мною мокрые следы.
Лишь маковки, похожие на сердце,
Лягушками проглянут из воды.
Какой наив разлит в рассветных ивах,
Какой мотив овладевает мной,
И пошлый шум спесивых и глумливых
Останется у лодки за кормой.

Я выслушал Владимира Андреевича и сразу выделил для себя первую строчку, я перечитывал это стихотворение много раз и понимал, что он прощается со мной и со всеми нами, я думал о четвертой лунной фазе, которую называют за-вершающей, о времени освобождения от всего бывшего, о моменте, когда бальзамическая луна находится точно между солнцем и землей. Пройдет немного времени, и незадолго до кончины я отвечу Владимиру Андреевичу, потому что и мы, рожденные в СССР внуки фронтовиков и сидельцев, тоже — последнее это-го века:

Так было прежде: мы с тобой вдвоем,
Попарно, как и следует поэтам,
Идем — и в многолюдье мировом
Становимся единым силуэтом.

Покажется: все было — и прошло,
И сорок лет не разделили даже:
Сплотило нас святое ремесло...
Мы делаем глотки из вечной чаши.

Рождаются за мыслями — слова...
Свидетелями подлинного чуда
Становимся — и после волшебства
Не изменяем верного маршрута.

В слиянье дней — живая простота.
Как много в ней движенья неземного!..
Мне верится, что даже у Христа
Есть время для Владимира Кострова.

Владимир Андреевич услышит это стихотворение от меня, увидит в новом сборнике стихов «Ожившее солнце», заплачет, когда я прочитаю его во время телепередачи, а через несколько дней, накануне его кончины, лунный диск станет совсем не виден и убывающая луна завершит четвертую фазу, а на следующий день я буду читать стихотворение, посвященное Кострову в Центральной городской библиотеке имени Шукшина в Бийске и Всероссийском мемориальном музее-заповеднике в селе Срустки на родине Василия Макаровича. Начнется новолуние, и растущая луна перейдет в первую фазу из четвертой и покажет всего лишь один процент своего диска. На календаре будет 26 октября 2022 года, день, когда православные чествуют Иверскую икону Пресвятой Богородицы, называемая еще Вратарницей или Привратницей, которая открывает врата раю верным Христу, и Владимир Андреевич Костров, появившийся на свет в Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, уйдет в мир иной.

Я узнал о смерти Владимира Андреевича от Галины Степановны по телефону, она говорила, что в последние часы он буквально пребывал не здесь на земле рядом с нами, а был уже где-то далеко. Это качество Кострова смотреть сквозь окружающую нас мир, находиться поодаль от брэнной суеты, видимо, достигло высшей точки своего развития. В этот момент, окончив разговор с Галиной Степановной, я вспомнил, как уже один раз прощался с Владимиром Андреевичем, когда он на протяжении нескольких дней не вставал с постели, изнуря себя переживаниями после смерти Сергея Николаевича Есина. Я приехал в Переделкино и увидел с трудом передвигающегося Владимира Андреевича, у которого не было желания общаться, но напоследок он долго обнимал меня, и я подумал, что мы больше не увидимся, тогда за рулем автомобиля мне пришли несколько строчек, но через несколько дней оправившийся от потери друга юности Костров уже звонил и просил приехать. Мне стало стыдно за придуманное, и я постарался забыть, но память вернула мне эти строки спустя пять лет.

Сколько вспыхнуло горем в России сердец!
И от первого холода сделалось туго,
Нашу землю покинул народный мудрец,
Никогда больше мы не обнимем друг друга.

И вокруг пустота и пугливый покой,
И снуют у меня за спиной снеговеи.
И мне кажется все, что еще ты живой,
Долго машешь рукой из далекой аллеи.

Сорок дней на душе вологодская стынь,
И я плачу навзрыд бесконечные сутки.
Небосвод на мгновенье, Спаситель, раздвинь,
Дай услышать в раю мне костровские шутки.

Я приветствую вас, храбрый ангельский чин,
И смотрю в облака сквозь рассветный багрянец,
Знаю: там, посреди святогорских вершин,
В ваших славных рядах костромской новобранец.

Позже я узнал от Галины Степановны, что ранним утром 26 октября 2022 года Владимир Андреевич сказал: «Сегодня я умру». После этого он стал неразговорчив, он был более чем сосредоточен, внимательно вглядывался в небо и облака, травы и деревья, словно стараясь запомнить все вокруг, собрать все воедино, не упустить ничего перед самой важной для каждого из нас встречей.

Но главным для него и для нас останется наше духовное единение русских людей разных поколений, рожденных в двадцатом веке и встретивших век двадцать первый, потому что наше единение происходит по высшей, а точнее, Господней воле и включает в себе общую религию, историю, культуру, философию, искусство. Наша всеобщая живая связь порождает в сердцах беспрестанное сопротивление очевидному мировому злу. Так было, так есть, и так будет.

